

An Analysis of Governance Failure and Power Dynamics in International Sport: The Russian Doping Scandal

Анализ провалов управления и динамики власти в международном спорте: российский допинговый скандал

Harris S., Dowling M., Houlihan S. (2021). An Analysis of Governance Failure and Power Dynamics in International Sport: The Russian Doping Scandal. *International Journal of Sport Policy and Politics*, 13(2): pp.1-20.

Спенсер Харрис¹, Мэтью Даулинг² и Барри Хулихан³
Spencer Harris¹, Mathew Dowling² and Barrie Houlihan³

Введение

Современная многократно повторяющаяся тема спортивной политики и управления касается роли и обязанности ключевых заинтересованных сторон в международном спорте. Центральное место в этих проблемах занимают вопросы о том, кто должен нести ответственность за регулирование и надзор за международным спортом? И кто несет ответственность за санкции в случае сбоев? Кроме того, эти вопросы отражают более широкие социальные сдвиги от традиционной иерархии к все более сетевому механизму управления (Rhodes, 1997)¹. Переход от правления к управлению был особенно заметен в спорте (Dowling et al., 2018;² Grix, 2010;³ Hoye & Cuskelly, 2007;⁴ Winand & Anagnostopoulos, 2019). Как следствие, международный спортивный ландшафт изменился, и мы стали свидетелями быстрого расширения структур системного управления в последние годы, которое характеризуется сложностью и множеством действующих лиц (государственных, некоммерческих и коммерческих), работающих на наднациональном, национальном и субнациональном уровнях (см. рис. 1).

Предыдущие исследования изучали характер и степень изменения управления в рамках международного спорта (e.g. Chapelet, 2016;⁵ Geeraert, Scheerder, & Bruyninckx., 2013;⁶ Jedlicka, 2018). Geeraert et al. (2015), например, подчеркивают влияние механизмов

¹ Rhodes, R.A.W. 1997. *Understanding governance: Policy networks, governance, reflexivity and accountability*. Buckingham, UK: Open University Press.

² Dowling, M., Leopkey, B., & Lee, S. 2018. Governance in Sport: A Scoping Review. *Journal of Sport Management*, 32 (5), 438-451.

³ Grix, J. 2010. The Governance Debate and the Study of Sport Policy. *International Journal of Sport Policy*, 2(2), 159-171.

⁴ Hoye, R. & Cuskelly, G. 2007. *Sport governance*. Oxford, UK: Elsevier.

⁵ Chapelet, J-L. 2016. From Olympic administration to Olympic governance. *Sport in Society*, 19(6), 739-751.

⁶ Geeraert, A. Scheerder, J. & Bruyninckx, H. 2013. The governance network of European football:

сетевого управления на автономию международного управления. Совсем недавно Jedlicka (2018) утверждал, что международное управление спортом по своей сути является политическим явлением, которое можно понимать как продукт международных политических договоренностей.

Тем не менее, лишь немногие исследования изучали базовые модели власти, лежащие в основе системного управления международным спортом. Как эта динамика власти приводит к определенным управленческим договоренностям или конкретным результатам (например, провал управления)? Это удивительно, учитывая напряжение в политике, характеризующее международный спорт, и ряд недавних неудач в управлении с участием Международной федерации футбольных ассоциаций (FIFA), Международной ассоциации атлетических федераций (IAAF) и Международной федерации тяжелой атлетики (IWF). Но, пожалуй, самым вопиющим примером провала системного управления в международном спорте является российский допинговый скандал (далее RDS).

RDS лучше всего можно описать тремя частями. Во-первых, факты показывают, что российское государство разработало комплексную допинговую программу с использованием антидопингового аппарата (РУСАДА, лаборатория, аккредитованная ВАДА в Москве, Минспорт, ФСБ и др.), чтобы позволить избранным элитным российским спортсменам принимать допинг без обнаружения. Во-вторых, расследования показывают, что там, где российские допинговые манипуляции были недостаточны для решения о выявлении по биологическому паспорту спортсменов России и Федерации легкой атлетики России, они давали взятки в ИААФ, чтобы эти положительные результаты были сокрыты. В-третьих, в то время как российское государство разработало и внедрило допинговую схему, ключевые агенты, участвующие в управлении международным спортом, больше способствовали разжиганию, чем подавлению скандала, отдавая приоритет решениям (и нерешениям), которые, казалось, больше касались интересов России и российских спортсменов, чем чистых видов спорта, что привело к тому, что дуайен МОК Ричард Паунд сослался на скандал как застарелую проблему для международного спорта (Round, 2020, стр. 3).

Приложение 1 резюмирует ключевые события вокруг дела. Для более полного обзора см. Независимое лицо Отчеты (IP1, 2016; IP2, 2016).

introducing new governance approaches to steer football at the EU level. *International Journal of Sport Policy & Politics*, 5(1), 113-132.

Недавние исследования, изучающие RDS, были сосредоточены на конкретных проблемах, включая средства массовой информации, освещение (Denham, 2019), международные отношения (Altukhov & Nauright, 2018), спортивную культуру (Alexander et al., 2019) и юридические последствия (Cuffrey, 2018). Есть несколько исследований, в которых принята многоуровневая система перспективы для расследования того, как и почему произошел скандал. Рид и др. (Read et al. 2019) изучали мотивы принятия (не)решений ключевыми субъектами, такими как ВАДА и МОК. Они утверждали, что решения носили реактивный характер и в значительной степени определялись стремлением к расширению легитимности в международном спорте. Дюваль (Duval 2017) исследовал конкретные решения, принимаемые CAS и показал, что решения были разными, но отдавали предпочтение МСФ, которые придерживались более жесткого подхода к допуску российских спортсменов.

Данное исследование направлено на изучение динамики мощности между различными заинтересованными сторонами, участвующими в RDS, и изучает, как динамика власти привела к сбоям в управлении международным спортом. С этой целью мы используем теорию управления и теорию аналитической основы власти Бергсгарда (Bergsgard's 2018)⁷, чтобы понять произошедшее в RDS. Мы утверждаем, что подход Бергсгарда позволяет проводить многомерный анализ власти, связанной с поведением и действиями ключевых заинтересованных сторон, вовлеченных в системное управление (сбои) международного спорта, и помогает объяснить причины, ключевые события и результаты RDS.

Теоретическая основа

Хотя это исследование непосредственно связано с анализом власти в международном спорте, будет полезным подкрепить этот анализ кратким обзором управления, поскольку это исследование управления, которое обычно рассматривает власть как выходящую за пределы центральной власти и даже отличную от нее государства или доминирующей руководящей власти (Bevir & Rhodes, 2010)⁸. Наше исследование строится на теории управления (Bevir & Rhodes, 2010; Grix, 2010), которая предполагает, что контуры отношений между государством и обществом коренным образом изменились и могут быть поняты как «новый процесс управления или

⁷ Bergsgard's, N.A. 2018. Power and domination in sport policy and politics – three intertwined levels of exercising power. *International Journal of Sport Policy and Politics*, 10(4), 653- 667.

⁸ Bevir, M. & Rhodes, R.A.W. 2010. *The state as cultural practice*, Oxford, UK: Oxford University Press.

«измененное состояние упорядоченного управления» (Rhodes, 2007, стр. 1246)⁹.

Поэтому наш анализ более тесно связан с определениями политического или системного государственного управления (Rhodes, 1996), а не организационного управления (Hoye & Cuskelly, 2007;¹⁰ Henry & Lee, 2004¹¹). Используя эту теорию в качестве отправной точки, мы утверждаем, что поле управления международным спортом не является пустым, а представляет собой перегруженное политическое пространство (Skelcher, 2005)¹², которое демонстрирует характеристики концепций управления «второй волны» в той мере, в какой ключевые заинтересованные стороны стремятся вновь заявить о себе с помощью альтернативных механизмов, таких как асимметричные отношения власти и использование теневой иерархии и механизмов метауправления (Dowling & Washington, 2017;¹³ Grix, 2010;¹⁴ Marsh, Richards & Smith, 2003¹⁵). С точки зрения своей теоретической концептуализации область международного управления спортом была представлена перекрывающимися идеями, относящимися к системному управлению и сетевому управлению.

Понятие системного управления первоначально было предложено А. Лефтвичем (Leftwich, 1994¹⁶) как часть его трех подходов к управлению с упором на политическое, организационное и системное управление. В то время как каждый компонент имеет определенную ориентацию на «управление», они также диалектически взаимодействуют, чтобы влиять на результаты. Генри и Ли (Henry and Lee 2004¹⁷) применили системное управление к международному спортивному контексту, чтобы продемонстрировать потребность в конкуренции, объединении и взаимном приспособлении между заинтересованными сторонами в политических системах, а также подчеркивают важность отношений между действующими лицами, распределение политической и экономической власти и правил, по которым система управляется (Leftwich, 1993). Представления об

⁹ Rhodes, R.A.W. 2007. Understanding governance: Ten years on. *Organization Studies*, 28(8), 1243-1264.

¹⁰ Hoye, R. & Cuskelly, G. 2007. *Sport governance*. Oxford, UK: Elsevier.

¹¹ Henry, I. & Lee, P.C. 2004. Governance and ethics in sport. In S. Chadwick & J. Beech. (Eds). *The Business of Sport Management*, 25-42. Harlow: Pearson Education.

¹² Skelcher, C. 2005. Jurisdictional Integrity, Polycentrism, and the Design of Democratic Governance. *Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions*, 18(1), 89-110.

¹³ Dowling, M. & Washington, M. 2017. The governing of governance: metagovernance and the creation of new organizational forms with Canadian sport. *Managing Sport and Leisure*, 22(6), 458-471.

¹⁴ Grix, J. 2010. The Governance Debate and the Study of Sport Policy. *International Journal of Sport Policy*, 2(2), 159-171.

¹⁵ Marsh, D., Richards, D., & Smith, M. (2003). Unequal plurality: Towards an asymmetric power model of British politics. *Government and Opposition*, 38(3), 306-332.

¹⁶ Leftwich, A. 1994. Governance, the state and the politics of development. *Development and Change*, 25, 363-386.

¹⁷ Henry, I. & Lee, P.C. 2004. Governance and ethics in sport. In S. Chadwick & J. Beech. (Eds). *The Business of Sport Management*, 25-42. Harlow: Pearson Education.

управлении сетью развились из предыдущих исследований, сосредоточенных на политических сообществах и сетях (Rhodes, 1988;¹⁸ Jordan, 1990¹⁹), которые, как правило, уделяют внимание заинтересованным сторонам, взаимодействиям и сложности, институциональным характеристикам и используемым процессам для управления сетями. Применительно к международному спорту сетевое управление использовалось для рассмотрения сложности отношений между множеством заинтересованных сторон (Carpelet, 2016²⁰). Утверждается, что управление обеспечивает подходящую основу для международного спорта, поскольку оно обеспечивает целостную структуру, учитывающую как интересы, так и взаимодействие между различными заинтересованными сторонами, участвующими в сети (Geeraert, Scheerder & Bruyninchx, 2013²¹).

Помимо этих подходов, идеи Острома и его коллег о полицентричном управлении системы могут оказаться полезными при анализе управления международным спортом. В то время, как мы не знаем о какой-либо предыдущей работе, которая применяет эти идеи к международному спорту, ключевые принципы и эти рамки имеют большое значение для международного спорта, поскольку основное внимание уделяется системам, «которые состоят из многих центров принятия решений, формально независимых друг от друга» (Ostrom, Tiebout, & Warren, 1961, p. 831²²) Центральным понятием в теории управления является понятие власти, поскольку для управления, особенно в полицентрической системе, требуется способность, независимо от того, осуществляется ли она, осуществлять власть актора(ов) над другими. Принятие управления в качестве нашей организационной структуры направляет нас к вопросам, касающимся расположения власти, степени, в которой произошло смещение локуса власти, а также характер и форма существующих отношений между акторами. Эти вопросы занимают центральное место в понимании меняющегося характера механизмов управления в современных обществах, и как эти договоренности влияют на спорт. Теория управления используется здесь как более широкая линза, с помощью которой можно обрести наш анализ RDS. Недостаток перспективы заключается в том, что она более точно «относится к прото-теории, но в основном остается набором наблюдений в поисках более всеобъемлющей теории» (Pierre

¹⁸ Rhodes, R.A.W. 1988. *Beyond Westminster and Whitehall: The Sub-central Governments of Britain*. London: Unwin Hyman.

¹⁹ Jordan, G. 1990. Sub-Governments, Policy Communities and Networks: Re-filling Old Bottles? *Journal of Theoretical Politics*, 2(3), 319-338.

²⁰ Chapelet, J-L. 2016. From Olympic administration to Olympic governance. *Sport in Society*, 19(6), 739-751.

²¹ Geeraert, A. Scheerder, J. & Bruyninchx, H. 2013. The governance network of European football: introducing new governance approaches to steer football at the EU level. *International Journal of Sport Policy & Politics*, 5(1), 113-132.

²² Ostrom, V. Tiebout, C.M., & Warren, R. 1961. The Organization of Government in Metropolitan Areas: A Theoretical Inquiry. *American Political Science Review*, 55, 831-842.

& Peters, 2000, стр. 7²³). Поэтому мы дополняем эту более широкую перспективу с концепцией власти Бергсгарда (Bergsgard, 2018), которая предлагает более конкретную аналитическую основу, с помощью которой можно исследовать динамику власти и провалы управления в международном спорте.

Объединив три измерения власти Льюкса (Lukes, 1974)²⁴ и понятие Бурдьё о символическом капитале, аналитическая структура Бергсгарда (Bergsgard, 2018), определяет три взаимосвязанных аналитических уровня:

- Непосредственный (формальный);
- Институционализируемая структура (неформальный);
- Символический (дискурсивный);

Прямой/формальный уровень наиболее точно соответствует плюралистическим концепциям власти (например, Dahl, 1961)²⁵, которые предполагают прямое и официальное осуществление власти, часто посредством видимого и прозрачного принятия решений. Это похоже на нормативные определения мощности, которые можно просто выразить как (А) имеет власть над (В) в той мере, в какой они могут заставить (В) сделать что-то, что (В) иначе не стал бы делать (Dahl, 1961). Второй уровень относится к институциональной структуре и неформальным решениям и динамике власти. Здесь Бергсгард подчеркивает важность структурных механизмов, особенно в социальных полях, то есть в сетях социальных отношений, структурированных системах социальных позиции, в рамках которых происходит борьба за ресурсы, ставки и доступ (Bourdieu, 1990), которые как позволяют, так и ограничивают возможность акторов устанавливать программы. Этот второй уровень власти проявляется, когда (В) не позволяет (А) выдвигать на первый план любые проблемы, которые могут быть вредными к (А). Третий уровень — это символическая или дискурсивная власть. Это более глубокий уровень власти, который включает в себя формирование предпочтений акторов, часто с помощью в значительной степени невидимых средств или в качестве следствия последовательного повествования или сюжетных линий. Это измерение власти может быть формально сформулировано как: (А) общается и формирует у (В) те же предпочтения, что и у (А).

Важнейшей особенностью схемы Бергсгарда является признание того, что каждый

²³ Pierre, J. & Peters B.G. 2000. *Governance, Politics and the State*. New York, NY: St. Martin's Press.

Pound, R.W. 2020. The Russian doping scandal: Some reflections on responsibility in sport governance. *Journal of Olympic Studies*, 1(1), 3-21.

²⁴ Lukes, S. 1974. *Power: A radical view*. London: Macmillan.

²⁵ Dahl, R. 1961. *Who governs?: Democracy and power in an American city*. New Haven, CT: Yale University Press.

уровень взаимодействует и укрепляет другие уровни в погоне за конкретными результатами. Это особенно важно в понимании структурных механизмов и динамики власти, окружающих RDS.

Аналитическая структура Берггарда представляет собой описание политических и институциональных процессов и властных отношений внутри политических сетей, сосредоточенных на том, «как и почему возникают определенные структуры, и... что происходит внутри этих структур» (Bergsgard, 2018, стр. 654-655). Важно, что структура Берггарда не претендует на полный анализ Бурдьё. Вместо этого рамки фокусируются на соединении символической власти как на примере третьего измерения власти Льюкса.

Мы утверждаем, что этот подход, особенно принятие концепций управления второй волны наряду с концепцией Берггарда ценен тем, что обеспечивает всеобъемлющую и оригинальную концептуальную основу для анализа различных измерений власти в международном спорте. Данный подход раскрывает также, как эти измерения взаимодействуют и демонстрируют, как исторические и современные структурные устройства влияют на результаты.

Методы

Это исследование основано на критической реалистической перспективе (Bhaskar, 1978)²⁶, которая предполагает, что реальность существует независимо, и что ненаблюдаемые структуры вызывают наблюдаемые события. В соответствии с основами критического реализма, мы придерживаемся точки зрения, что люди не имеют возможности контролировать структуру, но могут формировать ее и делать ограничения (Bhaskar, 1997)²⁷. Наш анализ поддерживается на вторичных эмпирических данных, собранных с января 2014 г. по июнь 2019 г. Мы указываем эти даты, прежде всего, чтобы уточнить наши аналитические временные рамки, признавая, что скандал продолжает разворачиваться.

Набор эмпирических данных включал документацию, в том числе организационные отчеты (например, целевой группы МОК, отчеты независимых комиссий), пресс-релизы и стенограммы интервью, а также письменные показания ключевых осведомителей. Отчеты независимой комиссии содержали подробные отзывы тренеров, спортсменов и администраторов – все они были включены в настоящий анализ.

²⁶ Bhaskar, R. 1978. *The realist theory of science*. Brighton: Harvester Wheatsheaf.

²⁷ Bhaskar, R. 1997. *Basics of qualitative research: Grounded theory procedures and techniques*. Newbury Park, CA: Sage.

Всего в набор данных включен 21 документ объемом 1907 страниц. См. Приложение 2 с полным списком источников данных. Кроме того, были включены газетные сообщения, особенно там, где в таких статьях содержались подробности прямых цитат официальных представителей спорта. Эти артефакты не были включены в таблицу документов, но на детали этих источников имеются ссылки по всей статье. В соответствии с подходом качественного документального анализа (QDA), мы признаем эти документы социально сконструированными артефактами, «обеспечивающими механизм и средство для понимания и осмысления социальных и организационных практик» (Coffey, 2014, p. 367). В совокупности эти документы не только содержат подробный отчет о событиях, связанных со скандалом, но они также дают представление о намерениях и действиях ключевых заинтересованных сторон и раскрывают лежащую в основе динамику власти и механизмы управления в международном спорте.

Все данные были подвергнуты QDA, который наиболее тесно связан с Altheide (1996). Мы использовали этот подход, поскольку он позволяет исследователям выйти за рамки традиционного контент-анализа и изучить контекстуальные вопросы, такие как значение кадра и языка, используемого в ключевых документах.

Анализ документов проходил в четыре этапа. Во-первых, все документы были прочитаны и закодированы с использованием принципа открытого кодирования «для изучения, разбивки и «сравнения данных» с ключевыми данными (Straus & Corbin, 1990, стр. 61). Затем открытое кодирование было критически изучено с помощью рекурсивного и рефлексивного подхода, который включал рассмотрение контекста, процесс и эмерджентное значение – с особым вниманием к используемому языку и социально построенному характеру текста. За этим процессом открытого кодирования последовал индуктивный аналитический подход с упором на выявление и изучение динамики власти между различными заинтересованными сторонами и их последствия для международного спорта. Наконец, аналитическая работа Берггарда была дедуктивно применена к эмпирическим данным, чтобы идентифицировать примеры трех уровней власти, сосредоточенных на объяснении не только того, почему произошел RDS, но и того, как определенные события произошло и при каких условиях. Короче говоря, несмотря на более широкое определение QDA, наш подход тематического анализа отражает открытый и сфокусированный подход к кодированию Шармаза (Charmaz, 2006). Открытое кодирование было подробным и давало четкое представление о данных. Сфокусированное кодирование подчеркнуло те элементы данных, которые имели наибольшее аналитическое значение для модели Берггарда и основные цели статьи.

Российский допинговый скандал

Следующий анализ подчеркивает динамические процессы, которые влияют на структуры и отношения между заинтересованными сторонами и рассматривают «властные отношения, влияющие на социальные условия» (Bergsgard, 2018, стр. 662), процессы, которые узаконивают или оправдывают власть, и то, как история конституирует нормы поля и воспроизводит в нем структуры власти.

Причины и предпосылки

При анализе причин и предпосылок RDS используется концепция Бурдьё о власти, согласно которой необходимо рассматривать поле как пространство сил и борьбы, которые определяют, как агенты и группы думают, действуют и занимают различные позиции (Bourdieu, 1992). При применении этой концепции для RDS поле раскрывает проблемное понятие демократического управления (Skelcher, 2005) в пересекающихся областях полномочий, таких как международное управление спортом и российская спортивная политика.

Международный спорт включает в себя российский спорт, хотя российский спорт остается самостоятельным и автономным, поскольку он имеет свои собственные структуры и механизмы управления, которые связаны и взаимодействуют с международными структурами. Таким образом, полицентрические структуры международного спорта раскрывают два пересекающихся поля: поле российской спортивной политики и международное поле управления спортом. Именно эти два поля и взаимодействие между ними сделали возможным скандал. Каждое из этих полей представляет собой социально сконструированное пространство, находящееся под сильным влиянием исторических социальных сил и культурной борьбы. Таким образом, рассматривая поле российской спортивной политики, следует уделить внимание глубоким историческим структурам влияния, сформировавшим российский спорт. Аналогичным образом, в случае управления международным спортом важно определить структурные условия поля, поскольку эти условия формируют нормы, убеждения и действия агентов на местах (Bourdieu, 1992).

Поле российской спортивной политики

Российское государство и СССР ранее имели хорошо задокументированную

историю эксплуатации спорта для укрепления символической власти государства и укрепления его легитимности. При Сталине, официальное продвижение спорта высших достижений началось в 1930-х годах (Hoberman, 1993) и было усовершенствовано в эпоху после Второй мировой войны, чтобы облегчить советскую культурную дипломатию (Riordan, 1988), усилить идентичность (Allison & Tomlinson, 2017) и продемонстрировать превосходство коммунизма над капитализмом ((Edelman,1993). Даже во время распада Советского Союза спорт играл значительную роль в укреплении национальной власти во вновь образованных нациях, что сильно отличалось от опыта других коммунистических режимов, где спорт высших достижений не считался местным и, таким образом, спровоцировал апатию и обиду (Riordan, 1993). Под руководством Путина эксплуатация спорта для достижения политических целей не ослабевает. Спорт используется для воспитания русского национализма, пробуждает идеи о российском превосходстве и, в конечном счете, демонстрирует величие (Arnold, 2018)²⁸. Эти намерения раскрывают диалектическую природу государственно – спортивных отношений в России. Спорт используется как форма символического капитала для восстановления власти государства (Bourdieu, 1992)²⁹. Воспроизводство этого капитала позволило государству нормализовать стратегии и ценности в поле российской спортивной политики, чтобы побеждать любыми средствами.

Символическое господство этого типа выходит за пределы первого и второго измерения власти Бергсгарда, и во многих отношениях является более прочной, чем господство, основанное на транзакционном обмене (Bergsgard, 2018). Символично, что великая держава олицетворяет российскую идентичность (Prizel, 1998)³⁰. Спорт продолжает доминировать как идеологический прием, демонстрируя, по словам Путина, что «либо Великой будет Россия, или ее не будет вовсе» (Shevtsova, 2003, с. 175)³¹. Эти слова, вероятно, приняли вновь обретенное значение в связи с очень плохим выступлением России в Ванкувере в 2010 году и необходимостью медального результата Игр Сочи-2014. Таким образом, глубокая социальная укорененность величия России (Prizel, 1998), вместе с представлениями об антироссийской пропаганде, возглавляемой американцами (Kramer, 2016), отрицание какой-либо причастности государства к допингу

²⁸ Arnold, R. 2018. Sport and official nationalism in modern Russia. *Problems of PostCommunism*, 65(2), 129-141.

²⁹ Bourdieu, P. and Wacquant, L. J. D. 1992. *An Invitation to Reflective Sociology*, Oxford: Polity.

³⁰ Prizel, I. 1998. *National identity and foreign policy: Nationalism and leadership in Poland, Russia, and Ukraine*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

³¹ Shevtsova, L. 2003. *Putin's Russia*. Washington, DC: The Carnegie Endowment for International Peace.

российских спортсменов (Panja, 2019) и рассказ о том, что все страны обманывают (Ruiz, 2016), представляет собой мощную комбинацию для легитимации допинга, спонсируемого государством.

До 1980-х годов центральное руководство Советского Союза (тогда ЦК КПСС) диктовало структуру отношений в поле российской спортивной политики и поведение спортсменов внутри него. Это включало в себя «производство, испытания, мониторинг и введение спортсменам препаратов, улучшающих спортивные результаты» (Riordan, 1993, стр. 255) и его преднамеренной стратегии осуждения зависимости Запада от допинга, скрывая при этом свою гораздо более обширную допинговую программу. Такие действия иллюстрируют, как история устанавливает нормы и укрепляет особые полевые условия путем создания устойчивых структур, которые продолжают влиять на поведение в России. Стратегия российского государства в отношении допинга не только принимается, но и является ожидаемой.

Принципиально такие полевые условия привели к тому, что многие российские спортсмены руководствовались глубоким культурным капиталом, подчеркивающим величие России. Спортсмены знают, признают и ценят понятие величия как оно «вписано в структуру распределения» социокультурного капитала в России (Bourdieu, 1994, с. 8)³². Такие идеи обостряются в сочетании с путинской политикой жертвы, которые позволяют правительству держать граждан в постоянном чувстве кризисов из-за сфабрикованных внешних угроз (Snyder, 2019)³³. Короче говоря, величие, победы и создание всего, что необходимо для достижения этих целей, особенно когда жертва или неудачник является неотъемлемой чертой структурных условий в сфере российской спортивной политики, оказывают доминирующее влияние на поведение спортсмена. Однако действия спортсмена отражают не просто соблюдение требований государства, а, скорее, глубоко укоренившиеся отношения, в которых поведение соответствует государственным идеалам «надлежащего поведения» (культурности) (Zeller, 2011, с. 63)³⁴. Кроме того, символическая власть государства усиливается первым и вторым измерением власти, благодаря которым спортсмены знают, что если они хотят быть в команде, то они будут делать то, что требует тренер и команда; ты принимаешь допинг или уходишь (Stepanov, 2017).

Российское государство также формирует повестку дня своим постоянным

³² Bourdieu, P. 1994. Theory of symbolic power. In N.B. Dirks, G. Eley, & S.B. Ortner (Eds), *Culture / Power / History* (pp. 155-159). Princeton University Press.

³³ Snyder, T. 2019. *The road to unfreedom*. New York, NY: Tim Duggan Books.

³⁴ Zeller, M. 2011. "Our own Internationale", 1966. *Kritika: Explorations in Russia and Eurasian History*, 12(1), 53-82.

отрицанием государственного допинга и их публично разделяемым мнением о том, что допинг распространен повсеместно, и что все страны участвуют в различных схемах поиска соревновательного преимущества. Мы утверждаем, что эти переплетающиеся примеры власти доказали устойчивое культивирование российской элитной спортивной культуры, которая узаконивает все, что необходимо для демонстрации величия России.

Сфера управления международным спортом

Дело RDS также выявляет структурные условия в международном управлении спорте, которые позволили агентам использовать власть, чтобы поставить свои интересы выше интересов Принципала (т. е. проблема принципала-агента). Три конкретных условия - автономия спорта, отсутствие подлинной демократии и конфликты интересов в управлении международным спортом способствовали и разожгли скандал.

Во-первых, международное управление спортом опирается на сеть сложных взаимозависимостей, основанных на вездесущей, но неравной власти, часто с ограниченным внешним надзором (Marsh et al., 2003)³⁵. Здесь понятие *Lex Sportiva* (автономия спорта) прочно закреплено и коренится в доктринах олимпизма. В международном спорте автономия является формой культурного капитала, созданного спортом в начале 1900-х годов и яростно поддерживаемого по сей день, чтобы спорт мог управлять своими делами и защищаться от внешнего вмешательства. Принцип автономии означает, что поле полностью зависит от каждого агента в поле, который несет ответственность и выполняет свои регулирующие обязанности. RDS выявляет проблемы с такими механизмами управления.

Например, в период с 2010 по 2014 год руководство ВАДА играло на асимметрии власти в области управления международным спортом, используя свое влияние и способность определять повестку дня, чтобы уклониться от расследования дела. Они могли бы сохранить эту позицию с небольшим контролем внутри или снаружи поля, пока средства массовой информации, спонсоры, спортсмены и зрители не оспорили их бездействие. В равной степени вызывает беспокойство бездействие других членов международной спортивной сети (включая МОК), которые либо не знали об обвинениях, либо предпочитали их игнорировать.

Во-вторых, международное управление спортом отражает «полицентричную

³⁵ Marsh, D., Richards, D., & Smith, M. (2003). Unequal plurality: Towards an asymmetric power model of British politics. *Government and Opposition*, 38(3), 306-332.

систему управления» (Ostrom et al., 1961)³⁶, в соответствие с которым центры принятия решений независимы один от другого. Международный спорт имеет несколько управляющих агентов на субнациональном уровне (например, в штате/округах) - ассоциации, клубы, колледжи, школы), на национальном уровне (например, НОК, НСФ), на наднациональном уровне (например, континентальные ассоциации, региональные игры) и на международном уровне (например, МОК, МСФ, ВАДА, CAS). Демократия бросает вызов полицентрическим системам из-за вопросов относительно того, какие представители должны участвовать в каких структурах принятия решений, и перед кем такие органы должны быть подотчетны (Black, 2008 г.)³⁷. Мы видим это не только в стратегически управляемом процессе кооптации членов МОК и МСФ (Jennings, 1996), но и в ВАДА, кооптируя лояльных и высокопоставленных членов МОК. Что еще более удивительно, мы наблюдаем переизбрание некоторых кандидатов, таких как Крейг Риди, в 2016 г., несмотря на широко распространенную критику его руководства (Ruiz, 2016). История показывает, что представители МОК и ВАДА, вероятно, выбираются и кооптируются, потому что они разделяют те же взгляды, что и доминирующая сила (силы), чтобы функционировать в рамках всеобъемлющей гегемонии олимпийского спорта (Jennings, 1996). С практической точки зрения, представители спорта, как правило, остаются членами гораздо дольше (чем представители правительства), тем самым накапливая опыт и понимание того, как ВАДА работает.

Третье условие относится к «конкурирующим концепциям «надлежащего управления», которым нужно следовать» (Black, 2008, стр. 141) в сфере управления международным спортом. Часто для старших администраторов «надлежащее» (несколько иронично) кажется выбором между промоушеном или политическим спортом. Для ясности: проблема ВАДА усугубляется кооптированным характером представительства, где Фонд и Исполнительный совет составляют 50% представители спорта и 50% правительственные назначенцы. Отсутствие независимости в структурах ВАДА подчеркивает присущий конфликт интересов: «Вполне вероятно, что весь поддерживаемый государством допинговый скандал в России был бы разоблачен гораздо раньше... если бы управление [ВАДА] не было затруднено из-за отсутствия истинной независимости в управлении» (Tygart, 2020, стр. 7).

Отсутствие независимости позволяет МОК и МСФ использовать культурные

³⁶ Ostrom, V. Tiebout, C.M., & Warren, R. 1961. The Organization of Government in Metropolitan Areas: A Theoretical Inquiry. *American Political Science Review*, 55, 831–842.

³⁷ Black, J. 2008. Constructing and contesting legitimacy and accountability in polycentric regulatory regimes. *Regulation and Governance*, 2, 137-164.

значения и идеалы Олимпийских игр и представлять их как силу добра, которая уделяет первостепенное внимание развитию человечества (ИОС, 2019)³⁸. Таким образом, кооптированные агенты, такие как Риди направляют повестку дня и направляют решения (или нерешения) на местах, чтобы сохранить нормы и ценности (в данном случае теоретическое понятие олимпизма, ценность бренда и доходы, связанные с ним), которые являются неотъемлемыми характеристиками поля. Кроме того, отношение и действия агентов, работающих в области международного управления спортом, особенно в международных федерациях, модерируется влиянием крупных господствующих наций (таких как Россия):

Зависимость [МСФ] от России создает реальный конфликт интересов, когда они должны ввести санкции против российских спортсменов или национальных федераций. Удивительно, но лишь немногие МСФ действовали на основе предоставленных им данных ВАДА (Round, 2020).

Ключевые события, действия и бездействия

Государственная координация допинговой программы: Российская допинговая программа включала пять элементов:

- разработка препарата для сокращения периода обнаружения;
- методология исчезновения положительных проб, при которой грязная моча заменяется чистой;
- целенаправленный допинговый режим, где Минспорт России решил, кого спасать и помещать в карантин;
- манипулирование результатами анализов спортсменов или обмен пробами при поддержке ФСБ, Центра спортивной подготовки и Российской антидопинговой лаборатории;
- выплаты ИААФ, чтобы облегчить потерю или откладывание расследования возможных нарушений допинга.

Программа была продуманной, с использованием как правительственных, так и антидопинговых структур.

Московская лаборатория... сыграла ключевую роль в успешной работе, навязанной

³⁸ ИОС. 2019. The Olympic Charter. Lausanne, Switzerland: ИОС.

государством и строго контролируемой программой, которая в целом управлялась и диктовалась Министерством спорта. Лаборатория была жизненно важным винтиком в гораздо более крупной машине, которая находилась в государственном управлении (Отчет IP 1, 2016 г., стр. 29).

Министерство спорта России жестко контролировало программу, используя ряд тактик, которые не только отражают все три аспекта власти, но и показывают, как эти измерения усиливают друг друга для достижения определенных результатов (Bergsgard, 2018).

Во-первых, Российское государство выработало надежную стратегию легитимности в сфере российской спортивной политики, полностью используя все три типа власти как основу легитимации (Weber, 1968). Например, российское Министерство и лаборатория работали по системе правил, согласно которым министерство диктовало, что должно быть сделано и как, из-за его формальной, законной власти в качестве правительства. Сотрудники лаборатории знали, что нужно выполнять приказы, потому что «в противном случае они больше не будут там работать» (Отчет НЛ 2, 2016, с. 30). Традиционная власть государственного аппарата, такого как министерство и ФСБ, воодушевленная нормативными ожиданиями, глубоко укоренившейся мнение, что такие структуры должны, в первую очередь и прежде всего, поддерживать интересы Российского государства, понимание, заложенное в глубине структуры влияния (Riordan, 1981; 1993). Кроме того, государство эксплуатирует харизматичность власти путем формирования лидеров, обладающих особыми качествами (например, Виталий Мутко, министра спорта). Как правило, эти лидеры имеют хорошие связи в стране и за пределами поля и продемонстрировали личную преданность правителю (Weber, 1968). Таким образом, прямое и формальное осуществление власти позволяет государству контролировать процесс принятия решений и манипулировать ими.

Повестка дня

Здесь российское государство разработало и скоординировало изощренную схему обмана - перепрофилирование внутренних структур, разработка устройств на заказ и подкуп международных агентств.

Для облегчения процесса и защиты государства путем сокрытия своей причастности к схеме:

Можно создать впечатление, что лаборатория действовала в одиночку. Однако...

это правильно поставить московскую лабораторию в ведение и под контроль государства... Система была устроена так, что в случае раскрытия ее действий Московская лаборатория может быть выброшена за борт, не повредив и не обнаружив других частей программы мошенничества с допингом (Отчет IP 1, 2016 г., стр. 30).

Конструктивные особенности схемы и постоянное отрицание какой-либо причастности к ней государства обеспечивают прочный фундамент, на котором Россия могла бы построить свою символическую и дискурсивную власть. Это было особенно важно дома, когда российские политики и спортивные администраторы создают нарратив формировать предпочтения и укреплять представления об антироссийских настроениях, американской пропаганде и российской идеологии жертвенности и распространенное утверждение, что все страны доперы.

Это [обвинения и расследования допинга в России] не может быть фундаментом для построения антироссийской политики... Мы усилим борьбу против допинга (Владимир Путин, президент России, (Kramer, 2016).

Проблемы [допинга] в России не хуже, чем в любой другой стране, но что бы мы ни делали, все плохо (Виталий Мутко, министр спорта (Москоу Таймс, 2015).

Представление о вездесущности допинга продвигалось не только посредством прямых цитат, таких как у Мутко (вверху), но и невидимой рукой государства через группу кибершпионажа, широко известную как Fancy Bear (также известный как APT28). Эта группа организовала несколько кибератак на ВАДА, Антидопинговое агентство США, CAS и ИААФ вскоре после публикации Отчета IP1. Эти атаки, по-видимому, были нацелены на спортсменов с терапевтическими исключениями, чтобы помочь укрепить нарратив о том, что все нации мошенничают с разницей в применяемых методах. Российские политики продолжали отрицать какую-либо причастность России к кибератакам:

«Как вы можете доказать, что хакеры российские? Вы обвиняете Россию во всем, это очень модно сейчас» (Виталий Мутко в Hartog, 2016).

Совсем недавно американское расследование Мюллера подтвердило, что Fancy Bear — это в/ч 26165 и в/ч 74455 спецслужб российских вооруженных сил. (Mueller, 2019).

Российское государство использовало ряд тактик, чтобы получить конкурентное

преимущество и добиться путинского видения России как великой державы. В Сочи тактика окупилась доминированием в таблице медалей, как на Олимпийских, так и на Паралимпийских играх. Тем не менее, были высказаны серьезные обвинения в скоординированном государством допинге с обвинением России в использовании дерзкой тактики (например, кибершпионаж, манипулирование данными, коррупция, взяточничество и угрозы смертью), чтобы скрыть схему, нормализовать поведение спортсменов и успокоить ее обвинителей. Такие прямые действия власти усиливают символическую власть государства, притягивая к себе многочисленные свойства капитала и его мотивацию показать величие России. Даже перед лицом существенных доказательств, глобального внимания и целого ряда санкций, связанных со спортом, государство остается решительным в своей отрицании участия в схеме и их права продолжать участие в международном спорте.

Обвинения и расследования

Обвинения и расследования, а также то, как основные участники обнажают глубоко политизированный характер и асимметричные отношения сил, которые характеризуют области управления международным спортом (Marsh et al., 2003). Характерной чертой является начальная неспособность или нежелание ВАДА расследовать утверждения о широко распространенном, поддерживаемом государством допинге нарушений в России. Хотя обвинения были выдвинуты еще в 2010 году, ВАДА не проводило расследование до декабря 2014 г. Первые сообщения о системном допинге появились в феврале 2010 г., когда сотрудник по вопросам образования Виталий Степанов начал общение с сотрудниками ВАДА по поводу своего опыта работы и допинговой культуры в России. В январе 2013 года его жена Юлия Степанова, член сборной России по легкой атлетике на 800 м., присоединилась к нему. Юлия собрала видео- и аудиозаписи для надежных доказательств в поддержку обвинений. В то же время Дарья Пищальникова, российская дискоболка, серебряный призер Олимпийских игр 2012 года в Лондоне, связалась с ВАДА и сообщила подробности систематической схемы допинга (Ruiz, Masur & Austen, 2016). В дополнение к этому, британские журналисты Ник Харрис и Марта Кельнер сообщали ВАДА о серьезной озабоченности по поводу применения допинга в российской легкой атлетике на основании данных, предоставленных российским тренером по легкой атлетике Олегом Поповым (Harris, 2016).

Запоздалый ответ ВАДА можно рассматривать, как попытку сохранить «проблему» российской легкой атлетике снять с повестки дня, проблему, с которой они предпочли бы

не сталкиваться. Официально обоснование ВАДА не проводить расследование раньше основывалось на его юрисдикции, целях и ресурсах. ВАДА утверждало, что не обладает законной властью, поскольку Кодекс ВАДА не требовал соблюдения со стороны подписавших, включая правительства. Разногласия в отношении целей ВАДА были четко сформулированы Дэвидом Хоуменом, исполнительным директором ВАДА, заявившим, что «мы не хотим быть полицией, мы не можем быть полицией», и Трэвис Тайгарт, генеральный директор Антидопингового агентства США, утверждая, что «позиция ВАДА сидеть в стороне перед лицом таких утверждений противоречит мандату ВАДА со стороны спорта, правительств и чистых спортсменов» ((Ruiz, Macur & Austen, 2016,) Руководство ВАДА также подчеркнуло отсутствие у ВАДА ресурсов для проведения расследования (ВАДА, 2015).

Помимо этих аргументов, глубинным структурам способствуют и более коварные полевые условия влияния, которые определяют поведение агентов в сфере управления международным спортом. Например, Россия и бывший СССР пользуются значительным влиянием в международных спортивных кругах с тех пор, как они стали участвовать в Олимпийских играх в 1952 году (Riordan, 1981). Крейг Риди в своей двойной роли президента ВАДА и вице-президента МОК, наладил тесные связи с российскими членами олимпийской семьи, такими, как министр Мутко и другие влиятельные российские политики и высокопоставленные администраторы. И были обвинения в том, что президент ВАДА уделяет больше внимания восприятию по существу,

«Риди хотел следить за движением средств массовой информации, чтобы увидеть, получают ли обвинения импульс или затухание, поэтому, возможно, нам не пришлось бы проводить расследование» (Эшштейн, 2016, н.п.).

Окончательная причина, по которой Риди не санкционировал расследование раньше, остается неясной. Возможно, опасения по поводу юрисдикции, цели и ресурсов были искренними. Это в равной степени правдоподобно, что эти опасения не были первостепенной проблемой или были просто нарративом, созданным для оправдания бездействия и направленным на защиту спорта от репутационного ущерба.

Судя по всему, решение провести расследование в отношении России не требовало одобрения структуры комитетов ВАДА. Вместо этого решение находилось непосредственно в руках президента. Такой видимый (хотя и не обязательно прозрачный) процесс принятия решений отражает централизованную, иерархичную модель власти в ВАДА, что создает для следственной группы ВАДА серьезную проблему, поскольку они

знали, что президент вряд ли санкционирует расследование, если только он не будет вынужден сделать это (Robertson, 2018). Следовательно, Джек Робертсон (главный следователь ВАДА) познакомил Степановых с Хайо Зеспельтом и съемочной группой ARD. Это, в конечном итоге, привело к документальному фильму ARD и сыграло решающую роль в изменении восприятия проблемы, создав для ВАДА более благоприятную глобальную среду и, в конечном счете, убедив президента ВАДА действовать. Через десять дней после выхода документального фильма в эфир ВАДА создало Независимую комиссию.

Эта ситуация и, в частности, необходимость освещения в средствах массовой информации раскрывают «глубину основных моделей контроля» (Dowling & Washington, 2018, стр. 2) и асимметрию власти (Marsh et al., 2003), которые доминируют в международной сети управления спортом. Подобные механизмы управления подкрепляют идеи об асимметричном управлении сетью (Marsh et al., 2003), в соответствии с которыми механизмы управления поддерживают иерархический порядок, но этот порядок может быть нарушен за счет использования средств (например, средств массовой информации) для изменения целей и интересов власти.

Выводы Независимой комиссии в значительной степени подтвердили информацию осведомителя обвинения, не подтверждая причастность российского правительства к допинговой программе.

Несмотря на продолжающиеся расследования, президент ВАДА Крейг Риди написал в российское министерство предложение о поддержке, о чем свидетельствует электронное письмо от Риди от 30 апреля 2015 г.:

«Я считаю, что содержание телевизионных программ было основано на периоде, предшествующем изменениям в законодательстве и сделанным инвестициям в РУСАДА» (Harris, 2015).

Возможно, электронное послание было попыткой поддерживать позитивные отношения с влиятельными игроками в международном спорте или просто наивностью в отношении силы доказательств, которые раскапывало следствие (и другие заинтересованные стороны). Другая часть одного и того же электронного письма демонстрирует важность личных отношений в международной сети управления спортом, особенно между министрами правительства и высшими высокопоставленными спортивными чиновниками:

Я ценю отношения, которые у меня сложились с министром Мутко, и буду благодарен, если вы сообщите ему, что ВАДА не намерено что-либо делать для влияния на эти отношения... Уверяю вас, что ВАДА никоим образом не умаляет усилия, предпринимаемые в России для защиты чистых спортсменов (Reedie, in Harris, 2015).

Более глубокие подозрения относительно мотивов действий и намерений президента ВАДА усилились, когда появились доказательства того, что он поделился рукописной запиской с вице-президентом ИААФ. Появился президент Сергей Бубка, проявив осведомленность о документальном фильме ARD и заявил, «[I] надеюсь, что никакого ущерба не будет». Беспокойство Риди сосредоточено не на правдивости документального фильма или характере самой проблемы, а на сохранении лояльности области управления в международном спорте (Daly, 2016).

На заседании Совета Фонда ВАДА в 2015 году Риди снова либо не хотел, либо не мог позволить ВАДА продолжить расследование подозрений о более широкой допинговой программе в России. В ответ на слова председателя Совета спортсменов ВАДА Бекки Скотт Риди заявил, что

«Было бы довольно сложно договориться [так в оригинале] за столом об исследовании всех видов спорта по всему миру» (ВАДА, 2015).

Последовательность событий, следующих за этим, зеркально описана выше. Уточним, что были и другие обвинения в системном допинге в ряде видов спорта в России с Григорием Родченковым и Степановыми. Опять же, высококлассные СМИ (60 минут CBS и New York Times) использовались в качестве мощного средства, чтобы донести эту историю до международных средств массовой информации, спонсоров, спортсменов и зрителей для оказания давления на ВАДА, что могло повлечь за собой дальнейшие расследования под руководством ВАДА и МОК. На этот раз масштаб обмана и весомость подтверждающих доказательств означали, что ВАДА, МОК и другие должны были принять карательные меры.

Итоги и последствия

24 июля 2016 г. МОК отклонил рекомендацию ВАДА дисквалифицировать Россию. Вместо этого МОК ввел ограниченные критерии допуска российских спортсменов и делегировал полномочия для квалификации в МСФ. МОК утверждал, что их решение

отражает их приверженность естественной справедливости — аргумент, который хорошо согласуется с представлениями об олимпизме, и символический культурный капитал, который поддерживает его. Исторически этот нарратив несовместим с действиями МОК по наложению санкций на страны из-за политических мотивов (например, Афганистан, Бенин, Ирак, Индия и Кувейт). В этих случаях МОК меньше заботился о естественной справедливости и больше о послании четкого сигнала о том, что политическое вмешательство в спорт недопустимо. Такие несоответствия подкрепляют обвинения в том, что на решение МОК сильно повлияли историческое положение России в сфере управления международным спортом, а точнее, близкие отношения Томаса Баха с Путиным (Gibson, 2016). Еще одно объяснение решения МОК основано на принципе символической власти и, в частности, на необходимости МОК быть замеченным, чтобы продемонстрировать и подтвердить свое господство как высшей власти в пределах нового регулирующего механизма в международном спорте.

Короче говоря, ответ МОК можно рассматривать как рассчитанный, предназначенный для перенаправления вины и делегирования полномочий (Round, 2020). Их ответ был представлен через повествование, сосредоточенное на трех элементах.

Во-первых, ВАДА несет ответственность за бардак, затянувшееся вмешательство, несвоевременные рекомендации и неполные исследования.

Во-вторых, решение МОК было инклюзивным, уместным с юридической точки зрения и, по словам Баха, избегало непродуманного «ядерного варианта... который привел бы к гибели и разрушениям» (Ruiz, 2016).

В-третьих, ответ позволил МОК сохранить представления о законной власти, делегировав решение в каждом виде спорта, и поддерживать позитивные отношения с российским политическим истеблишментом, в целом.

Ответ МОК не только подчеркивает отсутствие власти у ВАДА, но и подтверждает его собственную роль в качестве мета-управляющего актора в международном спорте (Wagner, 2009). Интересно, что ответ МОК была поддержан всеми МСФ, за исключением IAAF и IWF, которые запретили выступать атлетам из России. Это было неудивительно, учитывая историю легкой атлетики и тяжелой атлетики, их связь с российским делом о допинге и доказательства употребления допинга среди российских спортсменов в этих видах спорта.

МПК также издал полный запрет для ПКР. Это решение, возможно, было принято легче из-за отсутствия исторических связей между МПК и ПКР, а также тем, что Паралимпийские игры, приобретая все большую известность и интерес, в значительной степени действуют в тени Олимпийских игр.

После Игр в Рио в отчете независимых наблюдателей ВАДА отмечены серьезные сбои в антидопинговых процессах. 36% спортсменов, участвовавших в Рио-2016, не проходили тестирование, включая спортсменов, занимающихся видами спорта с высоким риском, и общее отсутствие координации со стороны команды Рио-2016 по вопросам борьбы с допингом (ВАДА, 2016 г.). Несмотря на эти серьезные проблемы, МОК заявил что «Отчет IO показывает, что это были успешные Олимпийские игры с успешной антидопинговой программой» (Bull, 2016). Позже в том же году отчеты Дисциплинарной комиссии МОК укрепили восприятие МОК твердого, но справедливого отношения к России, заявив, что МОК (i) отменил правило презумпции невиновности в отношении российских спортсменов, и (ii) не действует на саму Россию, так как Министерство спорта находится за пределами досягаемости МОК, поэтому ЮНЕСКО и ВАДА предоставили возможность продолжить работу в соответствии с Конвенцией ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте и Кодексом ВАДА (МОК, 2017).

Этот нарратив демонстрирует способность МОК к «двойственности» и отражает их расстановку приоритетов восприятия и управление восприятием широкого круга заинтересованных сторон в международной сфере управления спортом (не в последнюю очередь это вещательные компании, спонсоры и болельщики). Эти возможности поддерживаются символической властью МОК, которая позволяет ему формировать повестку дня и принятия решений, и формулировать такие решения, что, в свою очередь, защищает МОК и сохраняет их собственное господство. Важно отметить, что такие манипуляции с правдой не предполагают новой реальности «постправды», а скорее подчеркивают устойчивость структур, которые исторически определяли деятельность и поведение МОК (Jennings, 1996)³⁹.

Отчеты IP ВАДА и последующие Дисциплинарные комиссии МОК в конечном итоге привели к тому, что МОК предпринял официальные действия в преддверии зимних игр в Пхенчхане. Они приостановили деятельность ОКР, исключили российских политиков и чиновников из международных олимпийских мероприятий и структур, потребовали платеж в размере 15 миллионов долларов для покрытия расходов и взноса в новый независимый Орган по тестированию, и предоставили возможность чистым российским спортсменам участвовать в качестве «олимпийских атлетов из России». Исполком МОК также предоставил МОК полномочия приглашать отдельных российских спортсменов, где «список приглашений будет определяться по собственному усмотрению комиссией под председательством Председателя Независимого органа по тестированию»

³⁹ Jennings, A. 1996. *The new lord of the rings*. London, UK: Simon & Schuster.

(ИОС, 2017).

Это решение позволил МОК продолжать исключать российских спортсменов, несмотря на то, что CAS отменил запреты МОК на 28 спортсменах из-за недостаточности доказательств.

Решение МОК перед Пхенчханом заметно отличалось от их бездействия перед Рио. Частично причина этого может быть практической, поскольку у МОК было больше года на подготовку перед Пхенчханом (и рассмотреть возможные санкции за зимние игры), тогда как в Рио (и возможные санкции за более престижные и финансово значимые летние игры) у них было меньше трех недель. Также имело место наложение рекомендации ВАДА на Рио, в отличие от Пхенчхана, где МОК использовал свои собственные структуры для постановки проблемы, изучение материалов расследования и формулировки санкций. Координационные усилия МОК обеспечивают подходящий пример символических отношений, где история и иерархия нормализуют структуры власти, а агенты неосознанно подчиняются правящей элите как части структурного порядка. Такое поведение полностью противоречит их попыткам делегировать и распространять, как это было до Рио. Вероятно, это связано с важностью доказательств, содержащихся в EDP и проблемой общественного восприятия, которая резко изменилась в период с июля 2016 г. по декабрь 2017 г., во многом из-за продолжающихся сообщений СМИ о беспокойстве среди относительно небольшой коалиции чистых реформаторов спорта и документальный фильм «Икар», получивший премию «Оскар».

По этому последнему пункту мир теперь смотрел с особым интересом за событиями, и МОК должен был действовать. Однако такие действия не предполагают игру с нулевой суммой, а скорее подкрепляют идеи об асимметричных отношениях обмена с положительной суммой (Marsh et al., 2003)⁴⁰, которые были между МОК и российским государством.

Кодекс ВАДА также был пересмотрен в ноябре 2017 года в ответ на скандал, наряду с комплексной политикой соответствия, требующей от подписантов соблюдения WADC и наделение ВАДА полномочиями наказывать за несоблюдение. Это изменение означало заметный перенос власти в спорте, сместив ответственность с МОК и передав ее ВАДА. Пока это изменение сводит к минимуму проблему МОК по продвижению и контролю за спортом, МОК по-прежнему сохраняет влияние за счет 50% финансирования и представительства в совете ВАДА. Однако это изменение в договоренности и умеренная смена власти, культивируемая членством МОК, формирующим повестки дня, помогает

⁴⁰ Marsh, D., Richards, D., & Smith, M. (2003). Unequal plurality: Towards an asymmetric power model of British politics. *Government and Opposition*, 38(3), 306-332.

МОК избежать скандалов, снижает вероятность репутационного ущерба, поддерживает прочные дипломатические отношения между странами и использует свои полномочия для гарантий, что их символическая власть останется невредимой. За это время спортивное сообщество стимулировало борьбу за чистый спорт, в первую очередь, из-за отсутствия открытости ВАДА, отсутствия честности и неэффективного руководства:

Реакция ВАДА на наш голос не привела к обсуждению проблем, и при этом реакция не отличается той же честностью или уважением, которое является стандартом сообщества спортсменов. Недостаток мужества идти к свету ведет к неэффективному руководству. (Global Athletes, 2018).

Кроме того, жесточайшая критика WADA была припасена за смягчение условий, снятие санкций, наложенных на РУСАДА в сентябре 2018 г., в том числе снятие требования, чтобы Россия взяла на себя ответственность и отложила требование о том, чтобы Московская лаборатория представила свои файлы данных до декабря 2018 года. На это решение в значительной степени повлияли закулисные каналы влияния МОК, и оно было проблематичным для антидопинговых агентств, как указал Трэвис Тайгарт: «Честно говоря, воняет до небес» (Bishara, 2018) и Николь Сапстед (генеральный директор британского Антидопингового агентства): «Это в значительной степени показывает два пальца против спортсменов и организации, которые неустанно работают от их имени» (Ingle, 2018). Спортсменка Паула Рэдклифф прокомментировала так:

[Действие ВАДА] создает прецедент, согласно которому при введении санкций и созданных условий, если страна политически сильна и/или достаточно упряма, тогда они будут вознаграждены разбавленной версией условий, что требуется для повторного приема (Radcliffe in Reuters, 2018).

9 декабря 2019 года ВАДА попыталось восстановить свои полномочия, наложив новые санкции против России в результате манипуляций с данными, которые московская лаборатория представила как часть пересмотренных условий восстановления РУСАДА. Эти санкции включали четырехлетний запрет для спортсменов, причастных к употреблению допинга или манипулированию данными, запрет на посещение российскими официальными лицами спортивные мероприятия или заседание в советах директоров любой стороны, подписавшей кодекс, запрет на проведение крупных

мероприятий, запрет на вывешивание российского флага на крупных спортивных мероприятиях, а также оплата расходов ВАДА, связанных с расследованием о манипулировании данными, а также максимальный штраф в размере 100 000 долларов США.

Это решение расширило разногласия в международном спортивном ландшафте. ВАДА подчеркнуло, что оно надлежащим образом использовало свои полномочия и что их решение «было правильной линией» (ВАДА, 2019), повторяя позицию МОК в отношении баланса между естественной справедливостью и коллективной ответственностью. Наибольшее разочарование реформаторов чистого спорта вызывает ощущение того, что ВАДА занимается политическим мошенничеством, при этом представляя фасад защиты чистых спортсменов и внушительных, но справедливых санкций. Использование власти здесь является примером формирования правды, посредством чего высшие идеалы (например, правосудие) используются для того, чтобы скрыть более сложные реалии дела и продемонстрировать адекватность решения. Похоже, стратегия работает. Публично МОК сохранял роль наблюдателя, доходя лишь до публикации заявления о том, что санкции были уместными и что дело должно быть передано в Интервенционный комитет Конвенции о допинге в спорте ЮНЕСКО.

МСФ хранят молчание, за исключением ИААФ, которая сохранила запрет для Российской легкоатлетической федерации. Коалиция реформаторов чистого спорта продолжает расти в числе и отчаянно привлекать внимание к «сломанной» антидопинговой системе в контексте «как Россия дурачила ВАДА» (Panja, 2019). Совсем недавно это разочарование усугубилось решением CAS в декабре 2020 года в ответ на апелляцию РУСАДА против санкций, введенных ВАДА в 2019 году. Хотя, как и следовало ожидать, решение CAS было сформулировано, как способ предложить объективную и соразмерную санкцию (отражающую характер и серьезность несоблюдения и обеспечить, чтобы непрерывная борьба с таким бедствием как допинг сохранялась (CAS, 2020)). Сильно смягченные санкции CAS подверглись критике как сбивающие с толку (INADO, 2020 г.), разрушительные (USADA, 2020 г.) и «еще один черный день для чистого спорта» (Global Athlete/The Athletics Association, 2020, н.п.).

Казалось бы, единственная уверенность при решении этой проблемы в будущем заключается в том, что разделение и обман сохранятся.

Заключительные замечания

RDS раскрывает вездесущий, но концентрированный характер отношений сил в

международном масштабе на поле спортивного управления. Это поле подтверждает ранние идеи Острома и его коллег (Ostrom et al., 1961)⁴¹ о полицентрических системах управления и идеи Марша и его коллег (Marsh et al. (2003)⁴² об асимметричности власти в управлении, отражающей структурированное неравенство, подчеркивающей ограниченную демократию и сильную исполнительную власть, множество заинтересованных сторон, поддерживаемых асимметричными отношениями обмена, и поддержание твердой приверженности единому мнению руководства Исполкома МОК.

В конечном счете, мало свидетельств того, что авторитет МОК опустошается, а скорее вновь утверждается через альтернативные договоренности и механизмы (Marsh et al., 2003), включая политическое и ресурсное влияние МОК на ВАДА и МСФ, создание специальных комитетов CAS, создание комиссий Освальда и Шмида, поправки к кодексу ВАДА и делегирование новых полномочий ВАДА. С помощью этих механизмов МОК регулировал так, что индивидуальное и институциональное поведение на поле согласуется с всеобъемлющей целью (Raco & Imrie, 2000)⁴³. При возникновении разногласий или споров, таких как рекомендация относительно участия России в Играх в Рио-2016, МОК готов и может напрямую отстаивать свои полномочия для достижения результатов, отражающих их интересы.

Наше последнее замечание касается проблемных характеристик международного спорта на поле управления. Эти характеристики сыграли важную роль в переходе дела от того, что вначале речь шла о системном обмане, а затем расследование вскрыло не только системный обман, но и злоупотребление властью и провал управления. Более того, отсутствие демократии, конфликты интересов и нормативные конституционные правила *Lex Sportiva* в международном спорте обеспечили идеальный набор условий для предпосылок манипуляций. Случай с RDS также предполагает, что вместо представления международного спорта как унитарной или как федеративной модели управления (O'Boyle, 2016) можно считать, что международный спорт соответствует принципам полицентричной системы управления (Ostrom, 1961; Ostrom, 2010;⁴⁴ Carlisle & Gruby, 2019⁴⁵), поскольку в нем уделяется особое внимание проблематичному понятию

⁴¹ Ostrom, V. Tiebout, C.M., & Warren, R. 1961. The Organization of Government in Metropolitan Areas: A Theoretical Inquiry. *American Political Science Review*, 55, 831–842.

⁴² Marsh, D., Richards, D., & Smith, M. (2003). Unequal plurality: Towards an asymmetric power model of British politics. *Government and Opposition*, 38(3), 306-332.

⁴³ Raco, M. & Imrie, R. 2000. Governmentality and rights and responsibilities in urban policy. *Environment and Planning*, 32, 2187-2204.

⁴⁴ Ostrom, E. 2010. Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems. *American Economic Review*, 100, 641-672.

⁴⁵ Carlisle, K. & Gruby, R.L. 2019. Polycentric systems of governance: A theoretical model for the commons. *Policy Studies Journal*, 47(4), 927-952.

демократического управления, поскольку власть рассредоточена по отдельным созданным органам с перекрывающимися юрисдикциями, которые не находятся в иерархической связи друг с другом (Skelcher, 2005, стр. 89)⁴⁶. В рамках этой полицентричной системы становится очевидным, что международным приоритетом в области спортивного управления было управление восприятием. Их действия затмили изменение обстоятельств дела формой формирования адаптивных предпочтений (Elster, 1983), когда желания подгоняются под обстоятельства дела (см. рис. 2) (Lukes, 1974).

Ответы международного спортивного управления, на которое повлияла реальность неспортивных международных/дипломатических отношений, должны были восприниматься как рациональные и справедливые. Кроме того, тот факт, что поле может управлять такими ситуациями с ограниченным вмешательством или контролем, изолирует его от норм иерархической власти и поощряет личные интересы, когда агенты (такие как МОК) ставят свои интересы выше руководства (спортсменов). Здесь МОК тщательно продумывал сюжетные линии и нарративы, чтобы оправдывать свои (без) действия, обычно подчеркивая неудачи других, важность естественной справедливости и пропорциональность действий МОК вместе с необоснованными ожиданиями директоров, которые критически относятся к действиям МОК.

При оценке полезности трехмерной схемы Берггарда, хотя и ограниченной в ее избирательном использовании концептуализации власти Бурдые, она имеет большую объяснительную ценность в раскрытии разнообразного осуществления власти в RDS. В целом, структура освещает боязнь потерять Россию на Олимпийских играх и того, что последствия RDS могут повлиять на доходы (маркетинг и средства массовой информации), привлекательность мероприятия и репутацию Олимпийских игр. Структура также показывает, насколько плохая позиция ВАДА в политически и структурно, чтобы взять на себя такую крупную спортивную и дипломатическую власть. Действительно, нежелание президента ВАДА действовать, требовало от других сотрудников ВАДА привлечения внимания средств массовой информации (ARD, документальный фильм), чтобы заставить его действовать. Структура также помогла сформулировать попытки заинтересованных сторон контролировать повестку дня, связанную со скандалом и введенными санкциями.

Наконец, структура помогла определить место различных нормативных идеологий России, ВАДА, МОК и защитников чистого спорта, представленных на протяжении всего

⁴⁶ Skelcher, C. 2005. Jurisdictional Integrity, Polycentrism, and the Design of Democratic Governance. *Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions*, 18(1), 89-110.

дела. Здесь Россия увековечила идеологию или мифологию величия, несмотря на то, что она аутсайдер и жертва. ВАДА после первоначального исследования, продолжило продвигать идеи чистого спорта как недвусмысленной цели.

МОК использовал идеологию естественной справедливости и пропорциональности для оправдания санкций, навязанных России. Сторонники чистого спорта (например, Global Athletes, FairSport) культивировали идеи о новых движениях, правах спортсменов и перебалансировке сил, чтобы обеспечить положение, что спорт остается чистым и честным. Действительно, если движение спортсменов будет устойчивым, оно может обеспечить более гибкую реакцию на отсутствие внешнего надзора в сфере управления международным спортом и поощрять борьбу за результаты, которые отдают приоритет чистому спорту, а не другим интересам.

Положение спортсменов, вероятно, укрепитя, если другие ключевые заинтересованные стороны (например, вещатели, спонсоры и зрители), будут более внимательно интересоваться решениями МОК и мотивами, подкрепляющими их решения.

Благодарность: Мы хотели бы поблагодарить профессора Нильса Асле Бергсгарда, который предоставил полезные комментарии к первоначальному проекту этой статьи.

References

Alexander, D., Hallward, L., Duncan, L.R. & Caron, J.G. 2019. Is there still hope for clean sport? *Qualitative Research in Sport, Exercise, and Health*, 11(5), 618-635.

Allison, L. & Tomlinson, A. 2017. *Understanding international sport organisations*. London, UK: Routledge.

Altheide, D.L. 1996. *Qualitative media analysis*. Newbury Park, CA: Sage.

Altukhov, S. & Nauright, J. (2018). The new sporting Cold War: implications of the Russian doping allegations for international relations and sport. *Sport in Society*, 21(8), 1120-1136.

Arnold, R. 2018. Sport and official nationalism in modern Russia. *Problems of PostCommunism*, 65(2), 129-141.

Bergsgard's, N.A. 2018. Power and domination in sport policy and politics – three intertwined levels of exercising power. *International Journal of Sport Policy and Politics*, 10(4), 653- 667.

Bevir, M. & Rhodes, R.A.W. 2010. *The state as cultural practice*, Oxford, UK: Oxford University Press.

- Bhaskar, R. 1997. Bhaskar, R. 1978. *The realist theory of science*. London: Verso
- Straus, A. & Corbin, J. 1990. *Basics of qualitative research: Grounded theory procedures and techniques*. Newbury Park, CA: Sage.
- Bhaskar, R. 1978. *The realist theory of science*. Brighton: Harvester Wheatsheaf.
- Bishara, M. 2018, September 20. Russia's doping ban lifted: Frankly, it stinks to high heaven. CNN. Retrieved from: <https://www.cnn.com/2018/09/20/sport/russia-doping-wadadecision/index.html>
- Black, J. 2008. Constructing and contesting legitimacy and accountability in polycentric regulatory regimes. *Regulation and Governance*, 2, 137-164.
- Bourdieu, P. 1990. In *Other Words*, (M. Adamson, Trans.) Cambridge: Polity Press.
- Bourdieu, P., 1992. *Language & Symbolic Power*. Oxford: Polity press.
- Bourdieu, P. 1994. Theory of symbolic power. In N.B. Dirks, G. Eley, & S.B. Ortner (Eds), *Culture / Power / History* (pp. 155-159). Princeton University Press.
- Bourdieu, P. and Wacquant, L. J. D. 1992. *An Invitation to Reflective Sociology*, Oxford: Polity.
- Bull, A. 2016. October 28. IOC washes over farcical findings of Wadas Rio 2016 anti-doping report. *The Guardian*. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/sport/2016/oct/28/why-ioc-must-look-more-closely-atwada-rio-anti-doping-report>
- Carlisle, K. & Gruby, R.L. 2019. Polycentric systems of governance: A theoretical model for the commons. *Policy Studies Journal*, 47(4), 927-952.
- Chappelet, J-L. 2016. From Olympic administration to Olympic governance. *Sport in Society*, 19(6), 739-751.
- Charmaz, K. (2006). *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. London: Sage. Coffey, A. 2014. Analysing documents. In U. Flick (Ed), *The Sage Handbook of Qualitative Data Analysis*. Sage.
- Cuffrey, S. 2018. Passing the baton. *Brooklyn Journal of International Law*, 43(2).
- Dahl, R. 1961. *Who governs?: Democracy and power in an American city*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Denham, B.E. 2019. Coverage of the Russian doping scandal. *Communication in sport*, 7(3), 337-360.
- Dowling, M. & Washington, M. 2017. The governing of governance: metagovernance and the creation of new organizational forms with Canadian sport. *Managing Sport and Leisure*, 22(6), 458-471.

Dowling, M., Leopkey, B., & Lee, S. 2018. Governance in Sport: A Scoping Review. *Journal of Sport Management*, 32 (5), 438-451.

Duval, A. 2017. The Russian doping scandal at the court of arbitration for sport: lessons for the world anti-doping system. *The International Sport Law Journal*, (16), 177-197.

Edelman, R. 1993. *Serious fun: A history of spectator sports in the U.S.S.R.* Oxford, UK: Oxford University Press.

Epstein, D. 2016, August 4. Top investigator details secret efforts to undermine Russian doping probe. *ProPublica*. Retrieved from: <https://www.propublica.org/article/olympics-topinvestigator-secret-efforts-undermine-russian-doping-probe>

Geeraert, A. Scheerder, J. & Bruyninx, H. 2013. The governance network of European football: introducing new governance approaches to steer football at the EU level. *International Journal of Sport Policy & Politics*, 5(1), 113-132.

Gibson, O. 2016, July 25. Vladimir Putin and Thomas Bach: the unlikely Olympic power couple. *The Guardian*. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/sport/2016/jul/25/rioolympics-russia-drugs-vladimir-putin-ioc>
Global Athlete/Athletic Association. 2020. Statement on RUSADA Ruling by CAS. December 17, 2020.

Global Athlete. 2018, November 1. Statement by Global Athletes. The Sporting Integrity Initiative. Retrieved from: <https://www.sportingintegrityinitiative.com/statement-by-globalathletes-on-continued-criticism-by-wada-against-the-worlds-athletes-and-other-antidoping-reformers/>

Grohmann, K. 2018, February 20. Olympics: You are free to leave IOC tells Pound. *Reuters*. Retrieved from: <https://in.reuters.com/article/olympics-2018-ioc-poundidINKCN1G50D7>

Grix, J. 2010. The Governance Debate and the Study of Sport Policy. *International Journal of Sport Policy*, 2(2), 159-171.

Harris, N. 2016, July 25. Exposed: the story behind the story of Russia, doping and the IOC. *Sporting Intelligence*. Retrieved from: <http://www.sportingintelligence.com/2016/07/25/exposed-the-story-behind-the-story-of-russia-doping-and-the-ioc-250701/>

Harris, N. 2015, August 23. WADA president Sir Craig Reedie's 'comfort' email to Russia's most senior drug-buster. *Daily Mail*. Retrieved from: <https://www.dailymail.co.uk/sport/article-3207651/WADA-president-Sir-Craig-Reedie-scomfort-email-Russia-s-senior-drug-buster-reveals-toothless-clampdown-doping.html>

Hartog, E. 2016, September 25. WADA Hack. *The Moscow Times*. Retrieved from: <https://www.themoscowtimes.com/2016/09/25/is-russia-behind-the-fancy-bears-cyberespionage->

[group-a55432](#)

Henry, I. & Lee, P.C. 2004. Governance and ethics in sport. In S. Chadwick & J. Beech. (Eds). *The Business of Sport Management*, 25-42. Harlow: Pearson Education.

Hoberman, J. 1993. Sport and ideology in the post-communist age. In L. Allison (Ed). *The Changing Politics of Sport*. (pp. 15-36). Manchester University Press.

Hoye, R. & Cuskelly, G. 2007. *Sport governance*. Oxford, UK: Elsevier.

Ingle, S. 2018. Anti-doping rift deepens as agencies turn on Wada over Russia compromise. *The Guardian*. Retrieved from:

<https://www.theguardian.com/sport/2018/sep/18/anti-dopingagencies-wada-russia>

Jordan, G. 1990. Sub-Governments, Policy Communities and Networks: Re-filling Old Bottles? *Journal of Theoretical Politics*, 2(3), 319-338.

INADO. (2020). iNADO Statement: CAS decision on Russia sends a confusing message. 21 December, 2020. IOC. 2019. *The Olympic Charter*. Lausanne, Switzerland: IOC.

IOC. 2017. *The IOC Disciplinary Commission's Report of the IOC Executive Board*. Lausanne, Switzerland: IOC.

IP Report 1. 2016. *The Independent Person 1st Report*. Professor Richard H. McLaren.

IP Report 2. 2016. *The Independent Person 2nd Report*. Professor Richard H. McLaren.

Jennings, A. 1996. *The new lord of the rings*. London, UK: Simon & Schuster.

Klijn, E.H. & Koppenjan, J.F.M. 2012. Governance network theory: past, present and future. *Policy and Politics*, 40(4), 187-206.

Kramer, A.E. 2016, June 17. Olympic ban adds to Russia's culture of grievances. *The New York Times*. Retrieved from: <https://www.nytimes.com/2016/06/18/world/europe/putin-russiaolympics-doping.html>

Leftwich, A. 1994. Governance, the state and the politics of development. *Development and Change*, 25, 363-386.

Lukes, S. 1974. *Power: A radical view*. London: Macmillan.

Marsh, D., Richards, D., & Smith, M. (2003). Unequal plurality: Towards an asymmetric power model of British politics. *Government and Opposition*, 38(3), 306-332.

Mueller, R. 2019. Report on the investigation into Russian interference in the 2016 Presidential election. Volume I of II. Washington D.C.: U.S. Department of Justice.

Multi NADO. 2016, July 31. Russian doping scandal: when it mattered most, the IOC failed to lead. *The Guardian*. Retrieved from:

<https://www.theguardian.com/sport/2016/jul/31/russian-doping-scandal-ioc-failed-tolead-national-anti-doping-organisations>

The Moscow Times. 2015. Russia says 'Sure we dope, but so does everyone else'. *The*

Moscow Times. Retrieved from: <https://www.themoscowtimes.com/2015/11/10/russia-says-surewe-dope-but-so-does-everyone-else-a50707>

Ostrom, E. 2010. Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems. *American Economic Review*, 100, 641-672.

Ostrom, V. Tiebout, C.M., & Warren, R. 1961. The Organization of Government in Metropolitan Areas: A Theoretical Inquiry. *American Political Science Review*, 55, 831-842.

Panja, T. 2019, November 25. WADA committee recommends Russia gave new Olympic ban. *The New York Times*. Retrieved from: <https://www.nytimes.com/2019/11/25/sports/russia-wada-olympics.html>

Pierre, J. & Peters B.G. 2000. *Governance, Politics and the State*. New York, NY: St. Martin's Press.

Pound, R.W. 2020. The Russian doping scandal: Some reflections on responsibility in sport governance. *Journal of Olympic Studies*, 1(1), 3-21.

Prizel, I. 1998. *National identity and foreign policy: Nationalism and leadership in Poland, Russia, and Ukraine*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Raco, M. & Imrie, R. 2000. Governmentality and rights and responsibilities in urban policy. *Environment and Planning*, 32, 2187-2204.

Read, D., Skinner, J, Lock, D., & Houlihan, B. 2019. Legitimacy driven change at the World Anti-Doping Agency. *International Journal of Sport Policy and Politics*, 11(2), 233-245.

Reuters. 2018. Reaction to WADAs decision to reinstate RUSADA. Reuters. Retrieved from: <https://www.reuters.com/places/africa/article/us-sport-doping-russia-reactions/reactionto-wadas-decision-to-reinstate-rusada-idUSKCN1M025Y>

Rhodes, R.A.W. 1988. *Beyond Westminster and Whitehall: The Sub-central Governments of Britain*. London: Unwin Hyman.

Rhodes, R.A.W. 1997. *Understanding governance: Policy networks, governance, reflexivity and accountability*. Buckingham, UK: Open University Press.

Rhodes, R.A.W. 2007. Understanding governance: Ten years on. *Organization Studies*, 28(8), 1243-1264.

Riordan, J. 1993. Rewriting Soviet sport history. *Journal of Sport History*, 20(3), 247-258.

Riordan, J. 1988. The role of sport in Soviet foreign policy. *International Journal*, 43(4), 569- 595.

Riordan, J. 1981. *Sport under communism*. London, UK: C. Hurst & Co.

Ruiz, R.R. 2016, August 2. I.O.C. members berate WADA over Russia Scandal. *The New York Times*. Retrieved from: <https://www.nytimes.com/2016/08/03/sports/olympics/international-olympic-committeeworld->

[anti-doping-agency.html](#)

Ruiz, R.R., Macur, J., & Austen, I. 2016. Even with confession of cheating, world's doping watchdog did nothing. The New York Times. Retrieved from: <https://www.nytimes.com/2016/06/16/sports/olympics/world-anti-doping-agency-russiacheating.html>

Shevtsova, L. 2003. Putin's Russia. Washington, DC: The Carnegie Endowment for International Peace.

Skelcher, C. 2005. Jurisdictional Integrity, Polycentrism, and the Design of Democratic Governance. *Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions*, 18(1), 89-110.

Slater, M. 2016, July 25. Rio 2016: IOC decision condemned after deciding not to impose ban on Russia. The Independent. Retrieved from: <https://www.independent.co.uk/sport/olympics/rio-2016-russia-doping-ioc-decisioncondemned-after-deciding-not-to-impose-ban-a7154241.html>

Snyder, T. 2019. *The road to unfreedom*. New York, NY: Tim Duggan Books.

Stepanov, V. 2017. Written testimony of Vitaly Stepanov, submitted to the Schmid Disciplinary Commission, October 19, 2017.

Stiegel, S. 2016, July 26. Bach defends IOC decision on Russia, says WADA slow to react. dpa international. Retrieved from: <https://www.dpa-international.com/topic/bach-defendsioc-decision-russia-says-wada-slow-reacturn%3Anewsml%3Adpa.com%3A20090101%3A160726-99-825897>

Tygart, T. 2020. Written testimony of Travis T. Tygart, submitted to the Senate Commerce Committee, February 5, 2020.

USADA. (2020). Statement from USADA CEO Travis Tygart on Russia CAS Appeal and Ruling. December 17, 2020.

WADA. 2019, December 9. WADA Executive Committee unanimously endorses four-year period of non-compliance for the Russian Anti-Doping Agency. WADA. Retrieved from: <https://www.wada-ama.org/en/media/news/2019-12/wada-executive-committeeunanimously-endorse-four-year-period-of-non-compliance>

WADA. 2016. Report of the Independent Observers, Rio 2016. WADA.

WADA. 2015. WADA Foundation Board minutes, November 18, 2020.

Weber, M. 1968. *On charisma and institution building*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.

Zeller, M. 2011. "Our own Internationale", 1966. *Kritika: Explorations in Russia and Eurasian History*, 12(1), 53-82.

